

Император Шэньюань, находясь на пороге смерти, из последних сил пытался дотянуться до длинного копья, что лежало совсем рядом. Всю его жизнь отравляло горькое раскаяние, и в мгновение, когда дыхание его угасало, мысли смешались в хаосе. Он жаждал лишь одного — вновь, как и в каждый из последних пятидесяти лет, коснуться оружия, оставленного ему самым дорогим человеком. Но небеса не вняли его мольбам: до самого последнего вздоха он так и не смог до него дотронуться.

Император Шэньюань надеялся, что на дороге в царство мертвых Сыма Цзюньюань еще не успел уйти далеко. Он мечтал лишь о том, чтобы пойти с ним рядом — пусть даже путь по Мосту Забвения оказался бы совсем коротким. И тут он внезапно услышал, как кто-то зовет его детским прозвищем: Гухуэй, Гухуэй. Ты слышишь, что я говорю? С трудом подняв голову, он с изумлением увидел, что на троне перед ним сидит его покойный отец. Он машинально отозвался.

Император Чэнь Сюаньгуан, решив, что сын отвечает ему, продолжил: В этот раз Я приказал генералу Сыма отправить его старшего сына, Сыма Цзюньюаня, из пограничья к тебе в качестве компаньона для учебы. Знаешь ли ты, в чем заключается Мой замысел? Услышав слова отца, Чэнь Гухуэй в одно мгновение вспомнил события двадцать третьего года правления Сюаньгуан. Тогда, желая приструнить клан Сыма, чья власть стала угрожать императорскому престолу, отец приказал старому генералу Сыма отправить старшего сына в Столицу Цзинду прислуживать наследному принцу. Этот шаг преследовал две цели: явить миру безграничную милость императора и одновременно взять в заложники наследника клана Сыма, чтобы старый генерал не осмелился злоупотреблять военной мощью.

Неужели это возвращение в двадцать третий год Сюаньгуан? Чэнь Гухуэй пережил жестокую борьбу за престол и пятьдесят лет провел на троне, повидав немало бурь. Не теряя времени, он ответил: Сын понимает. Я непременно стану близким другом Сыма Цзюньюаня и позволю ему часто писать письма на границу, чтобы старый генерал Сыма знал, что его сын в безопасности.

Император Чэнь Сюаньгуан остался крайне доволен, осознав, что наследник понял его истинные намерения. Он знал: регулярные письма от сына успокоят старого генерала, а также дадут ему понять, что наследник теперь на стороне императорского дома.

Император Чэнь Сюаньгуан продолжил: Раз уж выдалась минутка, оставайся, пообедаем вместе. Наследный принц Чэнь Гухуэй все еще пребывал в замешательстве, не в силах поверить в произошедшее, и от растерянности сослался на плохое самочувствие, поспешив вернуться в свои покои.

Оказавшись в комнате, он взял бумагу и кисть, начав записывать всё, что произошло в его прошлой жизни, начиная с двадцать третьего года Сюаньгуан, — он боялся хоть что-то забыть. Согласно словам отца, Сыма Цзюньюань уже был в пути и должен был прибыть во дворец через три дня.

Он внимательно всмотрелся в свое отражение в медном зеркале. Сейчас ему всего двенадцать, но он уже знаменит. Он талантлив, умен, знает наизусть все классические трактаты и красноречив, а в обращении с людьми неизменно скромен, вежлив и великодушен. Будь то

высокопоставленные сановники или простой люд — ко всем он относится с почтением, за что его прозвали истинным благородным мужем.

Сыма Цзюньюаню, который вот-вот прибудет, сейчас четырнадцать. В их прошлой жизни, когда отец вызвал его на аудиенцию, он как раз демонстрировал императору свое мастерство владения копьем.

В тот день Сыма Цзюньюань был облачен в алое одеяние, выглядя доблестным и статным. Сжимая красное копье, он сперва прочно встал в стойку, направив ци в даньтянь, а затем, гибко работая запястьями, заставил копье танцевать подобно дракону, чье острие сверкало холодным блеском. То стремительный удар, подобный удару грома с оглушительным свистом, то легкий разворот, напоминающий порхание бабочки — красиво, но с таящейся внутри смертоносной силой. Закончив упражнение, он ловко вскочил на коня, и тот мгновенно сорвался с места. Скача во весь опор, юноша сохранял твердый взгляд, крепко держа копье, и внезапно нанес мощный удар — копье, словно выпущенная из тетивы стрела, вонзилось точно в центр мишени в ста шагах от него. Зрители на плацу разразились восторженными криками. С того самого момента взгляд Чэнь Гухуэя больше не мог оторваться от Сыма Цзюньюаня.

Однако тогда, будучи наследным принцем, Чэнь Гухуэй превыше всего ставил свой статус и власть, не смея выказать и тени особого внимания к юному генералу. Он лишь молча любовался им в глубине души. Принц полагал, что скрывает чувства безупречно, но не знал, что император Чэнь Сюаньгуан давно разгадал мысли сына. В конце концов, принца вырастил сам император после того, как покойная императрица скончалась при родах, — разве отец мог не знать своего ребенка?

Думая об этом, Чэнь Гухуэй поклялся себе: в этой жизни он обязательно защитит Сыма Цзюньюаня от козней отца. Это было единственным, чего он желал всей душой — прожить жизнь бок о бок с Сыма Цзюньюанем. В прошлой жизни, умирая, он думал, что был бы счастлив стать хотя бы простым слугой при генерале Сыма. Но теперь, когда судьба даровала ему второй шанс, разве согласится он на роль слуги? Он станет его спутником, и если Сыма Цзюньюань позволит, он даже сделает его своим супругом. В этой жизни Сыма Цзюньюань был единственной целью его существования.

Он не мог дожидаться дня состязаний, который состоится через три дня. У правителей Государства Чэнь всегда была личная тайная стража. По правде говоря, наследнику она не полагалась, но из-за чрезмерной любви отца у него был свой отряд. Он щелкнул пальцами, и появился Тайный страж Ци Цзю.

Чэнь Гухуэй приказал стоящему на коленях стражу: Разузнай, где сейчас находится молодой господин из клана Сыма, Сыма Цзюньюань? Тайный страж Ци Цзю отклонялся. Через два часа он вернулся с вестью: Сыма Цзюньюань прибыл в столицу вчера и остановился в постоялом дворе за городской стеной.

Наследный принц Чэнь Гухуэй слегка улыбнулся и произнес: Завтра мы навестим его. Он тут же позвал Си Юаня, который тогда был еще юным евнухом, чтобы готовиться к завтрашнему выходу из дворца.

Си Юань проявил нерешительность: Ваше Высочество, я обязан беспрекословно исполнять ваши приказы. Но молодой господин Сыма прибыл в имперскую столицу и не явился во дворец к императору, остановившись в гостинице за стенами, а вы собираетесь ехать к нему лично. Я боюсь, это опасно.

Чэнь Гухуэй сохранял полное спокойствие: Его решение не спешить с визитом во дворец действительно намеренное. Твои опасения небезосновательны. Но в его сердце нет зла против императорского дома, в этом можешь не сомневаться. Он ждет начала соревнований через два дня. На этом ежегодном празднике Государства Чэнь будут присутствовать знатные особы из других стран. Он хочет показать всем, что клан Сыма тесно связан с императорским домом и что старший внук клана уже прибыл в столицу, чтобы стать компаньоном наследного принца. Это заставит всех заговорщиков, замысляющих измену, отбросить мысли о захвате государства.

Си Юань поспешно опустился на колени, охваченный трепетом: Ваше Высочество мудры, а я глуп, что не догадался об этом.

Чэнь Гухуэй прекрасно понимал опасения Си Юаня, но даже если все было так, как он сказал, ему не следовало идти к нему раньше времени. Однако пятьдесят один год тоски был слишком велик — он хотел увидеть его хоть сегодня ночью. Но, боясь напугать четырнадцатилетнего Сыма Цзюньюаня, он решил действовать постепенно.

Чэнь Гухуэй ворочался в постели, не в силах уснуть. Он несколько раз спрашивал Си Юаня, который час. Когда на четвертый раз тот ответил, что сейчас час Тигра, принц немедленно поднялся и велел собираться. Он примерил три наряда, прежде чем остался доволен. Он мучительно вспоминал, хвалил ли его Сыма Цзюньюань в прошлой жизни за какой-то цвет или фасон. Ему припомнилось, как однажды в учебном зале, когда он был в бледно-золотом халате с вышитым узором гор и рек и ажурным золотым поясом, Сыма Цзюньюань случайно капнул на него чернилами и извинился, сказав, что испортил прекрасную вещь. Чэнь Гухуэй немедленно потребовал найти подобное одеяние. Си Юань быстро нашел похожее, правда, вместо ажурного пояса был пояс из чистого золота с инкрустацией. Принц вздохнул: Ладно, сойдет и это.

Когда принц прибыл к постоялому двору, солнце еще не взошло, едва рассвело. Чэнь Гухуэй собрался выйти из кареты, но в нерешительности замер. Он спросил Си Юаня: Как ты думаешь, если он спросит, почему мы пришли так рано, что мне ответить? Си Юаня словно громом поразило. Хотя принцу было всего двенадцать, он всегда вел себя рассудительно и сдержанно, поэтому евнух всегда считал его дальновидным человеком. Не сдержавшись, он спросил: Ваше Высочество, почему вы так рано решили навестить господина Сыма? Чэнь Гухуэй легко ответил: Я просто хочу его увидеть. Си Юань был поражен еще больше. Если бы он не был рядом с принцем с самого детства, он бы подумал, что это самозванец. Но, как профессиональный слуга, он должен был придумать выход: Может, скажете, что наслышаны о его мудрости и талантах, поэтому решили нанести визит? Принц кивнул, хотя предлог был слабым, но лучшего не нашлось.

Когда он собрался войти, Си Юань снова шепнул: Ваше Высочество, он ведь еще может спать. Чэнь Гухуэй спохватился, но вспомнил, что в прошлой жизни Сыма Цзюньюань в это время уже

упражнялся с копьем. Даже если он еще не встал, принц не мог ждать в карете и решил дожидаться его во внутреннем дворе.

Когда они зашли, он еще издали услышал свист копья. Приблизившись, он увидел статного юношу с густыми бровями, яркими глазами, прямым носом и тонкими губами. Его лицо, похожее на нефрит, светилось врожденной доблестью. В руках у него было копье, одет он был в синее одеяние с вышитым бамбуком, что придавало ему особый изящный вид. Движения его были плавными, текучими, полными силы и гибкости. Копье в его руках словно обрело жизнь: то мощный бросок дракона, то внезапный укус змеи.

Заметив приближение людей, юноша остановился и, не медля, трижды поклонился до земли: Ваш слуга Сыма Цзюньюань приветствует Наследного принца. Чэнь Гухуэй поспешно поднял его: Откуда ты узнал, что я принц? Сыма Цзюньюань, не заметив, что принц называет себя не официально, а просто «я», ответил: Золотой цвет — прерогатива императорской семьи. Среди ныне живущих членов дома, обладающих подобным обликом и статусом, только принц может носить такие одежды. Чэнь Гухуэй едва слышал его слова — все его внимание было поглощено тем, кто стоял перед ним. Он смотрел на него с обожанием, сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот вырвется из груди. Он думал: спустя столько лет, он наконец-то так близко, что можно чувствовать его дыхание. Тоска и любовь, переплетаясь, захлестнули его, как приливная волна.

Больше не в силах сдерживаться, Чэнь Гухуэй внезапно обнял его. Сыма Цзюньюань застыл в изумлении, не зная, отстраниться или нет. Перед отъездом отец строго наказывал соблюдать границы приличия перед особами королевской крови. Теперь же он не понимал, является ли это объятием нарушением, а попытка отстраниться — непочтительностью. Он слышал, что принц благороден и учтив, но не ожидал такой экспрессии. Си Юань в стороне тоже растерялся, но, имея опыт служения господину, решил, что лучше притвориться глухим. Чэнь Гухуэй не заботился о приличиях. Пятьдесят один год — нет, с тех самых двенадцати лет, шестьдесят два года он мечтал об этом. Если его не остановят, он не отпустит его ни за что. Наконец Сыма Цзюньюань кашлянул: Ваше Высочество, вам нехорошо? Принц неохотно разжал объятия, хотя сердце все еще бешено колотилось.

Собравшись с духом, он сказал: В будущем не нужно называть меня принцем или Вашим Высочеством. Отец уже сказал, что ты будешь моим компаньоном. А раз так, давай будем друзьями. Зови меня просто Гухуэй, хорошо? Сыма Цзюньюань знал, что принц будет дружелюбен, но чтобы настолько? Чтобы позволить называть себя по имени? Чье имя, кроме императорского, осмелится произнести подданный? Он тут же ответил: Я не посмею. Чэнь Гухуэй решил подыграть: Значит, не хочешь дружить? Юноша, решив, что это проверка на лояльность, поспешно воскликнул: Я желаю дружить с Вашим Высочеством! Для меня это честь и слава всего моего рода! Чэнь Гухуэй немедленно добавил: Раз так, раз ты старше меня, ты будешь старшим братом, а я — младшим. Называй меня братец Цзюньюань, договорились?

Сыма Цзюньюань открыл рот, чтобы отказаться, но принц не дал ему и слова сказать: Так и решим. Отныне я буду звать тебя братец Цзюньюань, а ты меня — Гухуэй. Можешь звать просто Гу или Хуэй, как хочешь. Мне пора к отцу, увидимся через два дня на плацу. Сказав это, он развернулся и ушел. Сыма Цзюньюань нахмурился, колеблясь, стоит ли писать об этом семье.

<http://bllate.org/book/21887/2273095>